

Алексей Зубов.

Драма для Дю.

16+

Алексей Зубов
Драма для Дю

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Зубов А. Н.

Драма для Дю / А. Н. Зубов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Истории в диалогах для чтения, способствующие тренировке навыков распознавания букв.

Елена Глинская. Драма.

По Истории Н. М. Карамзина драматические сцены.

Великий князь Василий Иванович

Князь Василий Шуйский

Князь Иван Оболенский

Монах Максим Грек

Шут Тимофей

Елена Глинская – княгиня

Боярыня Вельяминова

Бояре

Слуги

Девушки

(Государева библиотека. Максим Грек перебирает листы хартий.)

Грек.

Тот счастлив Государь, когда держава,

которую хранить поставил Бог,

спокойна и в достатке процветает,

враги трепещут, а народ – послушен.

и ужасов судьбы не знает мир...

Но трижды счастлив он, когда потомки его с почтеньем добрым поминают

за то, как высоко он поднял нравы и образ мыслей подданных своих.

Науки нравы очищают – несомненно,

А при дворе московского владыки они цветут, как сад, благоуханно

И плод, порой неожиданный, дарят нам.

И в Греции, и при дворах Европы, собрания я видел книг и хартий

Но ты, Москва, затмила всех богатством

Из тьмы веков дошедшего ума.

Все эти драгоценные страницы,

Святоотеческого светлого ученья

Перевести я должен, чтобы русский

Народ и в Истине и в Духе утвердить.

(входит Шуйский

Грек кланяется в пояс).

Здоровья, князь тебе и милость Божью.

Шуйский.

И тебе честной отец. Не спишь и ночью

– все пишешь, вижу я.

Грек.

То житие Пахомия святого,

я князю в утешение в печали его перевожу.

Шуйский.

Великий князь... Державный наш правитель.

Отец всем нам, и все мы Бога просим,

Чтобы он царствовал на славу долго. Вечно.

Но человек из праха создан,

И в прах уходит. И кому держава
Московская достанется тогда?

Грек

Да. Сына нет у князя, хоть молитвы
по всем церквам приносят ежечасно,
И двор постится и холопы следом.

Шуйский.

Да слышал ли ты слух? В народе ходит.

Грек.

Я слышал будто – первая, законная, супруга в «Девичьем» в заточении родила
Наследника московского престола.

Но слух идет от нелюбви народа
К Елене Глинской – молодой жене
Отца и Государя нашего.

Шуйский.

Род Глинских! – Темника Мамаю
потомков. Кровь их будет с нашей

Теперь замешана, и будет нами править неведомо чей отпрыск.

Из Литвы

Враждебной выбрали княжну – как будто здешних мало!

Грек.

Но третий год идет, а у княгини – все сына нет -

То знак суровый с неба.

Не может муж женатым быть вторично, когда супруга – инокиня.

Шуйский. – Знаки – тут не при чем.

(входит Оболенский)

Сюда Великая княгиня! Здравствуй князь – и ты здесь?

Шуйский

С монахом я о вере говорил.

Оболенский.

С каких-то пор наш грозный воевода вдруг стал у постников послушником примерным?

Или в монахи ты собрался, князь Василий?

Шуйский.

Не все в любимцах, как иные, князь Иван.

(Входит Глинская в сопровождении Вельяминовой и девушек. Девушки встают на колени.)

Вельяминова.

Угодно государыне-княгине здесь помолиться среди книг святых

Она ни с кем общаться не желает и просит вас, князя, оставить нас.

(Шуйский уходит)

Ты, инок, тоже прочь ступай. Постой-ка. Где полотно с картиною голландской,
Ужасной преисподней? Та, где бесы пытаются грешников. Достань ее... Ступай.

Глинская.

Мой верный князь, не можешь ты остаться. Жди за дверями и храни покой
Печальной государыни своей. Мы после свидимся... Я говорю – ступай.

(Оболенский уходит)

Что ты, боярыня, вчера мне говорила, что средство есть одно – зачать младенца,
И тайна эта – здесь, среди древних хартий, сокрыта, для чего-то, от людей.

Вельяминова.

Взгляни, на эту, государыня, картину, где адские мучения – ты видишь?
Глинская.
Да, вижу. Участь грешников ужасна и темным страхом наполняет сердце.
Но что нам в том?
Вельяминова.
Смотри левее.
Вон, видишь – блудница слилась в объятьях с бесом,
А дальше – видишь?...
Она беременна и плод ее огромен, таков, что силы нет нести.
Глинская.
О, Боже!
Нет? Не так я поняла? Иль ты, боярыня, мне в шутку предлагаешь?
Вельяминова.
Шутить забудем, как совет боярский подскажет князю нас сослать подальше
В убогий монастырь. А могут просто
в темнице ненароком удавить.
Глинская.
Ведь ты права... В Москве у женщин судьбы похожи все на бесконечный плач.
Зачать – спасение, но как? Я содрогаюсь
при звуке имени бесовского, а видеть?
А ласки с ним делить! О, что я! Боже!
Вельяминова.
Довольно жертву принести ему, а ласки
И ложе брачное делить совсем с другим...
Глинская
А что за жертва?
Вельяминова
Государыня, пустое – убить мерзавку девку
(пинает стоящую на коленях девушку)
иль холопа,
лишь бы крещены были и чисты.
Когда перед постелей кровь прольется,
Тогда вся сила беса мужу в сердце
Войдет – как жеребец безумный, свою супругу будет он ласкать.
Глинская.
Великий князь об этом знать не должен... Он набожен и добр...
Где князь Иван? К нему есть поручение...
Вельяминова. (девкам)
Зовите князя Оболенского.
Девушки.
Боярин, князь, Тебя к себе Великая княгиня просит.
Вельяминова
А чем не муж? И молод и силен.
Глинская.
Молчи пока. И уברי картину.
(входит Оболенский)
Мой верный князь, пойдя, предупреди
Супруга нашего – надежду государя,
Что мы идем...

(Оболенский уходит)

Вельяминова.

Уж как наш князь хорош!

Глинская.

Пойдем, боярыня, и мы. Трепещет сердце! Мечтами страшными оно раздражено...
(уходят обе, вместе с девушками. Появляется Грек)

Грек.

Что слышал я! Я думал, что молитве

Святой не помешаю, что княгиня смиренно плакать будет и виниться,
а я, со скорбью, вторить буду ей.

Предупредить я должен... Но Василий
мне не поверит.

Он глазами супруги смотрит, слышит лишь ее ушами.

Открыть все Шуйскому? Он сын Войны и знатен -

Не дело иноков мирских князей судить.

(уходит)

(Палаты Государевы. В. к. Василий Иванович, Глинская, Шуйский, Оболенский, шут Тимофей, ближние бояре, слуги.)

В. И.

Митрополит-владыка разрешил нам суровый пост нарушить ненадолго,

Чтобы бояре верные и слуги

Могли сегодня сердцем отдохнуть.

К тому же доброе знамение я видел -

(Шуйскому)

–Ты помнишь, князь, на Воронцовом поле

не ждали мы удачи от охоты -

Взял ястреб перепелку. Вдруг – вторую, а там и третью! Все – в мгновение ока!

То предвещает мне добро. И милость Божью в рождении наследника престола.

Теперь хочу, чтоб музыка играла, свечей поболее, и чтобы все в веселье

Обедали со мной... (играет музыка, и т. д.)

А где мой шут?

Желаю я смеяться – а нет его.

(шут из-под стола)

Я здесь, мой государь!

В. И.

Чего ты прячешься? Опять играть надумал? Тимошка, где ты там, боярам покажись.

(шут вылезает)

А расскажи, чего задумал, что трясешься?

Шут

Я бабы, государь, своей боюсь – прибить грозилась!

В. И.

А за что грозилась?

Шут.

За то, что я ее на шубу променял, вчерась на рынке.

В. И.

Бабу – да на шубу! Да ты купец, Тимошка!

Шут.

Как же не купец. Да только шубу, батюшка, я выменял на гуся.

В. И.

А гусь тебе зачем?

Шут

Как гусь зачем? У самого бояре, как гуси важные, а мне так без гуся.

Хотел его боярином поставить.

Оболенский.

Эй, дурень, что ты врешь.

В. И.

Оставь его.

Эй, кравчие, мальвазию несите, мы веселимся нынче – нынче Хмель

пускай подернет дымкой все заботы. Я первый пью за здоровье бояр

И государыни княгини.

Оболенский.

Здоровья Государю и княгине!

(все)

Будь счастлив, государь, страны отец!

В. И.

Но что же ты, княгиня, так печальна? Оставь грустить и слезы осуши.

Или наш пир тебе не мил?

Глинская

Не в пире дело,

А дурень-шут своею сказкой уколол.

На шубу рваную шут женщину меняет – и все смеемся, как же не грустить.

В той сказке – и моей кусочек доли, хоть я княгиня.

В. И.

Где ты, Тимофей?

Повесели княгиню новой сказкой – что с гусем дальше?

Шут.

Дальше – его на ложку выменял – свою-то

я потерял за кашей у тебя – или украли

В. И.

Вора-то поймали?

Шут

Да как ловить-то, батюшка, у нас – переполох.

В. И.

А что случилось?

Шут

ловим тех,

кто не ворует, да все сыскать не можем – нет таких.

В. И. – Шуйскому

Не в бровь, а в глаз тебе, ты ж, ведаешь приказом «тайных дел».

Шуйский.

Врет пустое. Москва тиха, «шалют» лишь по углам

За Волгою – да там всегда разбой.

В. И. шуту

А где же ложка?

Шут

Ложка-то? Я ложку у литовца – на девку выменял.

Глинская В. И.

Останови его.

Позволь, Великий князь, тебя покину – и в почивальню удалюсь.

В. И.

Ступай, приляг.

Лицом ты побелела, как лилея. Ступай, приляг, храни тебя Господь.

(Глинская уходит)

Теперь мои бояре, пир продолжим. Еще вина! Где музыка? Шуты?

Вино омоет ум, а песни – сердце, а смех прогонит духов темноты.

(Покои государыни. Глинская. Вельяминова. Девушки, стоящие на коленях и ткущие покрывало.)

Глинская.

Какой позор! Как раб презренный смеет шутить прилюдно.

Как постыден смех!

Я здесь чужая всем, и всем я ненавистна. Скажи, за что?

Вельяминова.

О, зависть, матушка, – грызет, грызет их всех ...

Шута, однако, надо высечь.

Глинская.

Нет, не нужно.

Вельяминова.

Он заслужил... пусть кровь свою прольет.

Глинская.

Кровь?

Вельяминова.

Да.

И чтоб не понапрасну она лилась...

Царица-государыня, решайся. Быть может, Бог не хочет дать детей

Василию? А ведь тебя осудят – ждут лишь повод.

Поверь, уж келью вымыли для нас в монастыре.

Глинская.

Да, кровь шута... Она копейку стоит. Вот если б кровь бояр надменных.

Кровь... При этом слове – странную тревогой и сладостной

вдруг замирает сердце. Как перед бездной...

(входит В. И.)

В. И.

Что у тебя, любезная супруга, прошла печаль? Я вижу, ты свежа и вновь цветешь. В глазах огонь играет, и ласки мужу обещает твоему.

Глинская.

Мой государь, в глазах моих не ласка, а гордость оскорбленная кипит - твой жалкий раб посмел смеяться нынче – и выбрал он меня.

В. И.

Он всех кусает

Глинская.

Хочу, чтоб высекли его.

В. И.

Ради тебя, красавица княгиня, Велю ему плетей – раз тридцать – отпустить

Глинская.

Раз тридцать – мало

В. И.

Сколько же ты хочешь?

Глинская.

Хочу, чтобы секли до той поры пока из спальни
платком я не махну. И чтобы кровь шута мне на пол вылили,
а я б ее топтала.

В. И.

Что желаешь – будет... Как ты прекрасна!

Все оставьте нас!

(Каморка с заключенным шутком. Входит Грек.)

Грек.

Пришел я исповедь принять.

Шут.

Зачем же, отче? Секли меня не раз – я все живой.

Небось, и в этот раз водой окатят,
опохмелят, а к ночи – во дворец.

Мы, скоморохи, каемся прилюдно не за одних себя, честной отец.

Грек.

Как хочешь, за тебя молиться буду. Прощай, веселый шут...

(опочивальня великой княгини. Глинская, Шуйский, Оболенский)

Глинская.

Велите палачу, чтоб сек нещадно, чтоб у казненного кнут кожу испахал.

Шуйский.

Все, государыня исполню.

Глинская

Князь Василий,

пока платком я не махну, не прекращайте – палач устанет – есть другой палач.

Ты, князь Иван, останешься со мною – есть дело до тебя.

(Шуйскому)

А ты – ступай. (Шуйский уходит)

Скажи мне, князь, ты верен мне?

Оболенский.

Царица!

Велишь мне броситься в огонь – не дрогну я.

Глинская.

Хотя б огонь был адов?

Оболенский.

Что мне в этом?

Где ты – там рай, и там душа моя.

Глинская.

Супруг мой слишком стар для ласк полночных – он государством правит,

Я одна,

Одна, в слезах, в тоске – я увядаю. Не зная счастья, без ласок и любви.

Оболенский.

Мой светлый ангел-государыня, когда бы

я был твой муж! Ты б счет забыла дням, в которых хоть мгновение тосковала!

Глинская.

Так будь же им. Сгорим мы вместе, князь.

(входит Вельяминова)

Вельяминова.

Вот кровь шута – скорей, моя княгиня! Пока кровь свежая...

(мажет лица Глинской и Оболенского кровью)

Глинская.

Довольно. Уходи.

(Вельяминова уходит)

Что медлишь, князь, бери свою супругу,
Ласкай без устали, как обещал ты мне -
и кровь шута войдет в меня, и семя мужа,
и воплотятся в сыне и царе.

(Библиотека государева. Грек.)

Грек.

Я тайну князю не открыл – угодно Богу,
Чтобы в Москве сын Глинской стал царем
Зачем – не ведаю, но все покажет время,
Решат же внуки – есть ли благо в том.

(входит Шуйский)

Шуйский.

Сегодня у народа праздник – сын наследник
родился, наконец, а ты, монах,
чего не весел?

Грек.

Видел я царей

Премногих. Так же ликовали, когда на трон всходил другой
и ждали дел.

Шуйский.

Да, славен царь делами – это правда
– от мальчика мы ждем великих дел,
Лишь бы не ввел, Господь, нас в искушение
и разум бы не отнял у людей.

Грек.

Да. искушения страшны, но наделяют
нас силою в терпении скорбей.

Что государь?

Шуйский.

Объявлена охота

в «Отрадном». Князь двух братьев пригласил и тьму бояр -
Весь двор московский будет.

Грек.

Оболенский князь тоже едет?

Шуйский.

Как без него – любимец государя.

Грек.

Послушай, князь Василий, мне, монаху, не подобает осуждать,
но этот князь, так высоко поднявшийся к престолу,
честолюбив и зол.

Шуйский.

Мы все не без того.

(палаты государевы. Великий князь. Оболенский. Бояре. Оболенский одевает В. И.)

В. И.

Поедем засветло. Охотники готовы?

Оболенский.

Готовы. Ждут тебя лишь, государь.

В.И.

Что наша верная супруга – почивает?

Оболенский.

Нет, встали. С князем маленьким они теперь гуляют

по Кремлю. С высокой башни

любуются державою твоей.

В.И.

И ихней тоже.

Дай-ка епанчу... Эй, князь, чего-то укололо

меня под локоть. Что там?

Оболенский.

Розы шип. Как он попал – не ведаю.

В.И.

Вчера княгиня, любя осыпала меня

Цветами – видно, завалился.

Что же – едем.

(Уходят все, кроме Оболенского. Входят Глинская, Вельяминова)

Глинская.

Ну что, мой князь?

Оболенский.

Как ты велела мне – я все исполнил.

Я уколол его – в награду – поцелуй.

Глинская.

Ах это. Скучно. Князь, без крови ласки пресны,

лишь власть над кровью плоть мою живит... И сердце заставляет биться сладко...

Тебе не терпится...

(целует князя)

Вкус крови, помнишь, князь?

Оболенский.

Да, помню.

Глинская.

Такой же вкус у власти – мутит он ум, нет сил бороться с ним.

Я – не борюсь, а падаю...

Но яд подействует? Наверно?

Вельяминова.

Да, госпожа моя. Тот яд сварил мудрец

из разных трав. Никто не заподозрит твой умысел.

Глинская.

Теперь, когда рожден наследник трона – мой сын,

должна я оградить

его от прихотей судьбы. Боярыня, ты помнишь -

отца супруга моего? Великий Иоанн

сперва всю власть хотел отдать любимцу-внуку

от сына старшего,
но после передумал, и отдал все Василию,
а внука, коронованного пышно, в темнице уморили...
И все произошло не без участия второй жены.
Ждать не хочу – вдруг государь другую
себе под старость выберет.
Другая, юная княгиня ему наследника родит, а нас бояре
подальше спрячут чахнуть.
Вельяминова.
Если б чахнуть.
Глинская.
Теперь не время совести. Престол
не терпит робких претендентов – только силой берется власть.
Не должен государь решать, кто будет править после него...
После него – мой сын. Я так решила... Как он?
Вельяминова.
Наш ангел спит, любовью окружен.
Глинская.
Пойдем к нему – мне надо успокоить
свои мечты. И совесть усыпить.
Ты, князь, иди, сопровождай охоту,
и береги супруга моего...
(покои государевы. Шуйский, Бояре.)
Шуйский.
Недуг внезапный – князь, охотясь, был весел, бодр.
И вдруг ослаб. И вот уж третьи сутки
из крохотной на сгибе локтя ранки тазами гной идет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.